

ВРАТА АНУБИСА

Моей жене Серене посвящается

Нельзя войти дважды в одну и ту же реку...

Гераклит

...Плыли они сквозь тьму — и сквозь древность мира...
Так моряки, некогда полные жизни,
Видя, что гибнет корабль,
Ими ведомый,
Не верят, что неизбежно бегут мгновенья.
Так морякам
Больше по вкусу править
Своим долгожданным, желанным паденьем во тьму,
Утопленьем неполным.
Так морякам по душе продлевать стремленье,
Биться упрямо с потоком
Полночной глуби.
Двигутся к бездне — от бездны,
Видят утес бессветный,
Ищут — уже без надежды — к нему восхожденья.
Путь их неспешный распался на сотни осколков.
Так моряками
Утрчена воля к свету — к живому дыханью.
Отныне
Станут искать они лишь глубины могил,
Лежащих вдали почти что забытого солнца...

Вильям Эшблес. «Двенадцать Часов Тьмы»

..... Книга первая

ЛИЦО ПОД ШЕРСТЬЮ

Пролог

2 февраля 1802 г.

Хоть много отнято, но многое сбылось,
И нет уже той силы, что в былые дни
Землею двигала и небом...

Альфред, лорд Теннисон

На гребне холма, меж двух деревьев, стоял древний старик и смотрел вниз. Там, внизу, у подножия холма собирались в обратный путь последние из приехавших в тот день на пикник. Они складывали корзины, седлали коней и один за другим удалялись к югу. Всадники заметно спешили — до Лондона шесть миль, а солнце уже клонится к закату, четко рисуя черные силуэты на фоне предвечернего неба.

Старик дождался, пока скроется из виду последний всадник, и повернулся лицом к заходящему солнцу. Ладья Вечности, думал он, неотрывно глядя на медленно заходящее светило, — ладья, несущая по небосклону умирающего божественного Ра-Гелиоса. Ладья Солнца — ты движешься от начала времен по Небесному Нилу, с востока на запад, вечно и неизменно — к верховьям реки тьмы. И там, в подземном мире, проходишь

свой путь с запада на восток — через двенадцать часов тьмы, к дальнему восточному пределу, дабы явиться вновь и, как было определено, от начала времен до последнего дня перевозить через реку времен обновленное и вечно юное царственное Солнце.

Или, подумал он горько, бесконечно удаленный от нас Космос не может вместить необъятное и неподвижное небесное тело из раскаленного газа, вокруг которого бессмысленно вращается этот маленький шарик планеты, подобно шарикку из навоза, который толкает куда-то жук-скарабей.

Он осознал, что утратил прежний дар. Ну же, возьми себя в руки, приказал он себе и начал медленно спускаться с холма, — и да будут даны тебе силы принять смерть по собственной воле, ибо время пришло и выбор сделан — так пусть же свершится то, чему должно свершиться.

Ему пришлось идти осторожно, старательно выбирая, куда поставить ногу: японские сандалии на деревянной подошве — не самая подходящая обувь для спуска с холма по кочкам и скользкой траве.

Среди шатров и повозок уже горели костры. Прохладный вечерний ветерок доносил едкий первобытный запах табора: привычный запах пасущихся ослов, запах дыма, запах жарящихся ежей — блюда, к которому его народ имел особое пристрастие. У него перехватило дыхание, когда он почувствовал едва уловимый запах, исходивший от ящика, доставленного в полдень, — зловоние, как от извращенных приправ, призванных вызывать скорее отвращение, нежели аппетит, — запах тем более неуместный, когда его приносит чистый и свежий ветерок с холмов. У шатров его встретили две собаки. Они подбежали, обнюхали его и успокоились. Потом

одна бросилась вприпрыжку к ближайшему шатру — сообщить хозяину, другая с явной неохотой побрела вслед за Аменофисом Фике в табор.

На лай из шатра вышел смуглый человек в полосатом пальто и решительно направился к Фике. Он, как и собаки, хорошо знал старика.

— Добрый вечер, руа, будешь какой обед? У них на огонь есть хочевичи, пахнут очень кусно.

— Так кусно, как всегда пахнут хочевичи, надо думать, — отсутствующе пробормотал Фике. — Но нет, благодарю. Вы все берите сами.

— Я — нет, руа. Моя Бесси готовила кусно хочевичи. С тех пор как она умирать, я их никогда не кушать.

Фике кивнул, хотя совершенно очевидно, что ничего не слышал.

— Очень хорошо, Ричард... — Он помедлил, словно надеясь, что его прервут, но этого не произошло. — Когда солнце зайдет совсем, возьми несколько чели. Снесите ящик вниз, по берегу, к шатру доктора Ромени.

Цыган подергал себя за усы и начал хитрить и изворачиваться.

— Та самый ящик, что моряк принести сегодня?

— А какой еще ящик, по-твоему? Разумеется, тот самый.

— Чели сказали, этот ящик — плохой. Там что-то мертвый, много-много лет.

Аменофис Фике нахмурился, посмотрел неодобрительно и поплотнее закутался в плащ. Последние лучи солнца остались там, на вершине холма, и сейчас, среди сумеречных теней, лицо его казалось не более живым, чем дерево или камень.

— Ну ладно, — произнес он наконец, — в ящике — прах. И безусловно, уже много-много лет.

Он одарил оробевшего цыгана улыбкой, которая производила примерно такое же впечатление, как если бы обрушилась часть холма и обнажила древний известняк.

— Но не мертвый. Я... я надеюсь. Во всяком случае, не совсем.

Это объяснение не произвело должного впечатления на цыгана, который отнюдь не выглядел успокоенным. Он собрался было открыть рот и произнести очередную почтительную тираду, но Фике повернулся и величаво удалился в сторону реки. Его плащ развевался по ветру, как надкрылья гигантского жука.

Цыган вздохнул и, неуклюже переваливаясь, пошел к шатру — он старательно изображал хромоту, которая, как он надеялся, позволит избежать участия в переноске такого гадкого и страшного ящика.

Фике неторопливо шел вдоль по берегу к шатру доктора Ромени.

Шатер доктора Ромени стоял на отшибе, растянутый на веревках меж деревьев. Во всей этой оснастке он походил на огромный корабль.

Ко множеству распорок крепились канаты. Сооружение было многослойным и беспорядочным. Этот шатер, подумал Фике, напоминает молящуюся монахиню в зимнем облачении, в страхе припавшую к земле близ реки. Нырять под бесчисленные веревки, Фике пробрался ко входу. Он откинул полог и ступил в шатер, щурясь от яркого света. Мерцающие светильники озаряли роскошное убранство, пестрые восточные ковры, расшитые золотом драпировки.

Доктор Ромени встал из-за стола, и Фике испытал безнадежную зависть. «Почему я? — мысленно вопрошал Фике. — Почему не Романелли?» Он вспомнил встречу в Каире в сентябре прошлого года.

Фике стянул с себя плащ и шляпу и отшвырнул их в угол. Голова Ромени, лысая, как бильярдный шар из слоновой кости, отражала мерцание светильников. Доктор Ромени, нелепо подсакивая на пружинящих подошвах, направился к вошедшему и изобразил дружеское рукопожатие.

— То, что мы... то, что вы намерены предпринять сегодня ночью... Это будет великое свершение, — сказал он приглашенным басом. — Единственное, чего бы я хотел — присутствовать здесь лично.

Фике слегка нетерпеливо пожал плечами.

— Мы оба — слуги. Мой пост — в Англии, ваш — в Турции. Я полностью отдаю себе в этом отчет и понимаю, почему вы можете присутствовать здесь не лично, а как «реплика».

— Не говоря уже о... — Ромени заговорил нараспев, пытаясь вызвать эхо в задрапированном мягкими тканями шатре. — Если вы сегодня умрете, можете мне поверить, ваше тело будет набальзамировано и погребено с исполнением всех надлежащих обрядов и пением молитв.

— Если меня постигнет неудача, — ответил Фике, — то молиться будет некому.

— Я не сказал «неудача». Может случиться так, что вы добьетесь успеха и откроете врата, но умрете, так и не завершив начатого, — невозмутимо уточнил Ромени. — В таком случае вы должны бы желать исполнения надлежащих обрядов.

— Очень хорошо, — устало кивнул Фике. — Хорошо, — добавил он.

У входа послышались шаркающие шаги.

— Руа, — раздался взволнованный голос, — куда лучше поставить эти врата? Поспешите. По-моему, духи уже выходят из реки, чтобы посмотреть.